

Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной)
/ Отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. 504 с.

Продуктивное развитие исторической науки, как и любой другой сферы знания, возможно при условии теоретической и методологической рефлексии, способности подвергнуть свой познавательный инструмент критической проверке. Внутренняя трансформация современной исторической науки, открытие новых познавательных горизонтов закономерно вызывают интерес научного сообщества к основам «ремесла историка».

Сборник «Профессия – историк», подготовленный коллективом авторов к юбилею доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента РАН, руководителя Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН Лорины Петровны Репиной, посвящен различным аспектам профессиональной деятельности историка в современном мире. Выбор названия и проблематики юбилейного сборника, безусловно, удачен: научная судьба Лорины Петровны Репиной – наглядное свидетельство того, как многогранна профессия историка и насколько расширились рамки этой профессии на рубеже XX–XXI вв.

Л.П. Репина, начавшая свой путь в науке как медиовист, автор исследований по британской истории, в наши дни признана научным сообществом как ведущий специалист в области историографии и методологии истории. Сфера ее научных интересов охватывает интеллектуальную историю, гендерную историю, исследования исторической памяти. Лорина Петровна Репина известна как основоположник и Президент Российского общества интеллектуальной истории – общественного объединения историков, охватывающего 36 регионов Российской Федерации. В качестве лидера этого общества Лорина Петровна Репина стала инициатором целого ряда ярких коллективных проектов, выполненных в проблемном поле интеллектуальной истории. Эти коллективные труды, как и альманахи интеллектуальной истории «Диалог со временем», главным редактором которого является Л.П. Репина, играют важную роль в формировании интеллектуальной повестки современной отечественной историографии, вырабатывая у читателя, в том числе у молодых специалистов, представление о возможных аспектах изучения новаторской научной проблематики, о разнообразии подходов к ее разработке.

Сборник «Профессия – историк» обрамляют статьи, посвященные юбиляру: одна из них, открывающая издание, принадлежит академику А.О. Чубарьяну, другая, заключающая сборник, написана С.А. Экштутом. К этим посвящен-

ям по своей тематике примыкает статья О.М. Мельниковой «Пространство РОИИ и профессиональная социализация историка», где показано, насколько важна деятельность Российского общества интеллектуальной истории, созданного Л.П. Репиной, для интеграции ученых – особенно молодых и работающих в региональных университетах – в общероссийское междисциплинарное научное пространство.

При этом сборник «Профессия – историк» по своему характеру выходит далеко за рамки юбилейного издания. Он включает четыре раздела: «Научные открытия в современной историографии», «Способы исторического познания», «Научный инструмент историка», «Профессиональная идентичность историка» – редактор О.В. Воробьева сумела найти удачную форму структурирования материала. Сверхзадача данного коллективного труда – диагностика состояния современной исторической науки на историографическом, методологическом и лично-рефлексивном уровне.

Участники сборника – не только историки, но и философы; они представляют разные вузы и академические традиции, разные страны – Польшу, Украину, Швецию, разные города России – Москву, Ярославль, Нижний Новгород, Казань, Майкоп, Ижевск, Омск, Пермь. Безусловно, такая широта научных контактов стала возможна благодаря деятельности РОИИ. Всех участников сборника объединяет стремление выходить за узкие рамки своих академических дисциплин, проследить междисциплинарные взаимосвязи, ставить вопросы об инструментарии историка и о взаимодействии научного исторического знания с другими формами культуры.

Жанры статей также разнообразны. В их числе есть широкие историографические обзоры, освещающие развитие исторической науки на протяжении нескольких десятилетий (статьи Р. Тоштендаля, И.Н. Ионова), проблемы научного трансфера (статья И.М. Савельевой) или становление отдельных научных направлений (работы Т.Н. Поповой, И.И. Кобылина и Ф.В. Николаи, А.Э. Афанасьевой, Л.И. Бородкина, В.П. Корзун и Г.П. Мягкова). Представлены исследования, посвященные базовым принципам исторического мышления (статья В. Вжосека) и методологическому инструментарию отдельных прославленных ученых прошлого (статьи А.В. Гордона о Жюле Мишле и К. Поласик-Вжосек о Марке Блоке). В целом ряде статей анализируется понятийный аппарат современной исторической науки: так, Л.Р. Хут посвятила свое исследование понятию «новистика», С.И. Посохов – модному

термину «фрагментация», а Ю.Е. Арнаутова – самому понятию «понятие» в научном инструментарии историка. В свою очередь, С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцева обстоятельно «наводят порядок» в принятой ныне классификации историографических источников, тщательно разграничивая понятия «монография», «исторический очерк» и «научное исследование». В сборнике есть и исследования, которые могут служить примером эффективного применения новых подходов для решения конкретно-исторических задач и получения нового знания: таковы, например, статьи Е.А. Вишленковой и М.С. Петровой. Представлены опыты работы с «эго-источниками» – интервью и письмами историков, позволяющими судить об особенностях их профессиональной идентичности (статьи А.Б. Соколова, М.П. Лаптевой).

В этом разнообразии проблематики можно выделить несколько смысловых линий, которые пронизывают разные разделы сборника, очерчивая контуры научного диалога между его участниками.

Одна из таких стержневых линий – осмысление перемен, происшедших в исторической науке во второй половине XX в. Тон разработке этой темы задает статья шведского историка Рольфа Тоштендаля «Профессиональные историки и историографическая революция 1960-х - 1990-х гг.». По мнению историка, это сорокалетие стало переломным периодом в судьбе западноевропейской исторической науки: царившие прежде традиции ранкеанства и преимущественный интерес к политической истории уходили в прошлое, взамен в историографии стремительно возникло и оформилось несколько новых направлений, открывших новые пути изучения истории и предложивших новую систему ценностей историописания, – новая социальная история, глобальная история, микроистория (принимавшая также формы истории повседневности и истории ментальностей) и гендерная история. Отвечая на вопрос – почему же именно появление этих четырех новых исследовательских перспектив повлекло за собой историографическую революцию? – Р. Тоштендаль ставит ряд более общих теоретических вопросов: о том, каковы критерии инноваций в исторической науке, при каких условиях новшества могут считаться плодотворными, как соотносятся в новаторском историческом исследовании эмпирическая конкретика и теоретическая основа.

К статье Тоштендаля по своему содержанию примыкают работы, где рассматривается развитие исторической науки на следующем этапе после «историографической революции», на рубеже XX-XXI вв. Так, статья Т.Н. Поповой освещает «новые траектории «старого» биографизма» – современные подходы к изучению биографий

интеллектуалов; автор статьи выявляет многоликость современного биографического жанра, который впитывает в себя множество идей и методов из «общего рынка» социогуманитарных наук. Совместная статья И.И. Кобылина и Ф.В. Николаи посвящена истории эмоций, в русле которой в наши дни формируются новые направления: исследования травмы, медицинская антропология, «поворот к аффекту» и история боли; по мнению соавторов, тем самым преодолеваются дисциплинарные границы между гуманитаристикой и «науками о жизни» – психотерапией и психоанализом, когнитивной психологией, нейробиологией и так далее. А.Э. Афанасьева знакомит читателя с исследовательской программой «новой истории медицины» – историей медицинской мысли и медицинских практик в широком историко-культурном контексте, которая зачастую становится полем «территориальных споров» историков и медиков. Л.И. Бородкин, во многом опираясь на собственный исследовательский опыт, рассказывает о становлении «цифровой истории» (Digital History, известной также под именами квантитативной истории, клиометрики, исторической информатики) и о том, как современное научное сообщество осмысливает перспективы «цифрового поворота», открывшего возможности для создания новых исследовательских инструментов и для развития «публичной истории» – электронных интернет-ресурсов, адресованных широкой аудитории. Таким образом, все «познавательные повороты» и новые направления, о которых идет речь в этом разделе сборника, имеют междисциплинарную природу; они возникают там и тогда, где историк усваивает методологию и проблематику других наук и где, следовательно, преодолеваются традиционные дисциплинарные границы.

Проблематика истории медицины затрагивается еще в двух статьях сборника: в работе Е.А. Вишленковой, где история организации российской медицины в начале XIX в. рассматривается с точки зрения неоинституционального подхода, и в работе М.С. Петровой, где на примере анализа текстов средневековых авторов, посвященных природе сновидений, выявляются механизмы восприятия и усвоения средневековыми мыслителями древнегреческого знания. Это наглядно свидетельствует о притягательности новой междисциплинарной области знания для исследователей.

Безусловно интересны представленные на страницах сборника опыты прочтения классиков исторической науки в свете новых научных подходов и нового социокультурного контекста. Так, А.В. Гордон предлагает свое прочтение работ историка Жюль Мишле – творца республиканского мифа о Великой Французской революции,

задаваясь вопросом: «можно ли по нормативам XXI века, выношенным и выстраданным в отечественной науке, считать его профессиональным историком?»¹. Ответ Гордона намеренно парадоксален: наличие «исторического воображения», умение «пережить в себе историю» может быть более ценным качеством для историка, чем присутствие в работе справочного аппарата, и романтик Мишле оказывается в большей степени нашим современником, чем объявившие его «дилетантом» историки-позитивисты. В свою очередь, Ю.Е. Арнаутова переосмысливает научный инструментарий Макса Вебера – разработанную им теорию познания и понятийную конструкцию «идеального типа» – в свете сегодняшних дискуссий о кризисе исторической науки, о «вызове постмодернизма» и о самой возможности объективного познания прошлого. Исследовательница приходит к выводу, что и в наши дни остается актуальным предложенное Вебером решение проблемы: историческое познание представляет собой не отражение, а относительное, гипотетическое конструирование прошедшей истории, но эта конструкция должна опираться на изучение эмпирического исторического материала. К. Поласик-Вжосек затрагивает весьма злободневную проблему – может ли историк рационалистически препарировать средневековые «чудеса», не рискуя при этом затронуть «чувства верующих», – на примере знаменитой работы Марка Блока «Короли-чудотворцы». Таким образом, классики оказываются вовлеченными в пространство современных дискуссий о принципах исторического познания и о месте исторической науки в обществе.

Большинство статей, о которых речь шла выше, характеризуют современную ситуацию в исторической науке преимущественно на материалах зарубежной историографии. Обратимся теперь к тем работам, опубликованным в сборнике «Профессия – историк», где рассматривается состояние современной отечественной исторической науки.

Особенностям становления и развития новых направлений в отечественной исторической науке посвящены статьи Л.Р. Хут, В.П. Корзун и Г.П. Мягкова. Л.Р. Хут подробно освещает историю формирования «новистики» как особой научной дисциплины, принципиально отличающейся от привычной «истории Нового времени»; В.П. Корзун и Г.П. Мягков представляют опыт осмысления истории схоларной проблематики (истории научных школ) в российской историографии. Оба исследования охватывают достаточно длительные периоды: с 1970-х гг. до наших дней – в случае истории научных школ, с 1990-х гг. до наших дней – в случае «новистики»; перед читателем предстает живая, динамичная картина развития отечественной исторической науки на переломе

– с драматическими коллизиями, поиском новаторских моделей исследования и преподавания, противостоянием соперничающих подходов и даже идеологическими баталиями.

Во многих статьях критично оценивается текущее состояние современной исторической науки, выявляются и диагностируются острые проблемы, характерные для современного научного сообщества – как мирового, так и отечественного. Так, в работе И.М. Савельевой ставится вопрос о том, насколько отечественные историки интегрированы в мировую науку. Исследователь приходит к выводу, что «сознательное и очень бурное постижение подходов, тем, методов современной западной историографии» после крушения «железного занавеса» привело к существенной трансформации отечественной науки: формированию новых институциональных практик, трансляции эпистемологических стандартов, освоению современных моделей междисциплинарности, открытию большого количества новых тем. Тем не менее, констатирует она, «на страницах мировой научной периодики мы пока выступаем в ролях «второго плана», и субъектное присутствие наших историков в мировой науке сегодня крайне незначительно» – за исключением специалистов в области славистики и русистики². Продуктивно включиться в диалог с зарубежными коллегами, по мнению И.М. Савельевой, российским историкам мешает недостаточное владение «теориями среднего уровня», недостаток научной информации о новейших научных тенденциях и актуальных дискуссиях, неумение использовать процедуры трансляции знания (в том числе строить тексты статей в соответствии с жанровыми и коммуникативными особенностями западной научной периодики) и, наконец, самодостаточность западного научного сообщества.

Многие авторы отмечают рост взаимного непонимания и даже отчуждения внутри профессионального цеха историков. Так, И.М. Савельева полагает, что разделение российского сообщества историков на отдельные «сегменты» связано со слишком торопливым и неравномерным усвоением западного теоретического багажа: «процесс перестройки охватил далеко не все наше историческое сообщество... До сих пор в разных частях профессионального цеха историки работают по разным правилам и производят разные типы научно-исторических дискурсов»³. В свою очередь, С.И. Посохов с тревогой констатирует, что частой метафорой при описании научной ситуации становится слово «фрагментация» или «фрагментированность», свидетельствующее об утрате ощущения «единой всеохватывающей историчности человечества» (цитата из К. Ясперса). С точки зрения Посохова, «фрагментация» проявляется в дифференци-

ции науки и научного сообщества по поколенческому, схоларным, парадигмальным и другим признакам; в распаде исторического нарратива; в «жонглировании фактами» и «манипуляции историческими образами» ради решения конъюнктурных задач «политики памяти»⁴.

Продолжая эту тему, польский историк Войцех Вжосек стремится выявить глубинные причины взаимного непонимания историков, наличия у них «несовместимых образов» прошлого и даже несовместимых образов самой исторической науки. Он выдвигает гипотезу, согласно которой когнитивное непонимание разных групп ученых объясняется тем, что в европейской культуре сочетаются два разных стиля мышления и два разных способа установления истины: рационалистический (по которому знание должно опираться на доказательную базу) – и библейско-феноменологический (в рамках которого утверждение считается истинным, если исходит из авторитетного источника). Сосуществование и противостояние этих моделей, по мнению В. Вжосека, определяет динамику европейской культуры, и осознание этого может стать основой для мирного сосуществования различных взглядов и продуктивных дискуссий между носителями разных научных культур.

Распад пространства исторической науки на «замкнутые сектора» констатируется и в статье И.Н. Ионова «Между универсализмом и уникальностью: культура, личность и познавательные стратегии историка», где содержится критически заостренный обзор отечественной исторической традиции с 1960-1970-х гг. и до наших дней. Стремясь объяснить причины непонимания между современными историками, Ионов обращается к социокультурным, социально-психологическим и психологическим аспектам деятельности историков: в частности, групп, объединившихся вокруг журналов «Одиссей» и «Казус», сторонников клиодинамики, приверженцев когнитивной истории. Он, как и В. Вжосек, предлагает дихотомическую модель научной культуры историков, противопоставляя друг другу «гоббсовский» и «локковский» типы ученого (представитель первого типа испытывает потребность в безопасности, ценностями для него являются государственность, долг и порядок; представитель второго считает высшей ценностью права и свободы человека, отстаивает индивидуализм и право на самореализацию). По мнению Ионова, различия между «авторитарной» и «свободной личностью» на эпистемологическом уровне перерастают в различия между нормативным модель-ориентированным знанием, предполагающим строгую иерархию теорий, и изменчивым предмет-ориентированным знанием, для которого характерны альтернативность мышления и гибкая смена

подходов в зависимости от предмета исследования. Социокультурный контекст развития науки может благоприятствовать то одному, то другому типу исторического познания, поскольку периоды роста внешнего контроля (реформализации) чередуются с периодами снижения степени контроля (информализации). Лишь учет всех этих факторов, по мнению автора статьи, позволит «дополнить интеллектуальную историю историописания анализом истории референтных групп историков» и создать «историческую социологию историописания»⁵.

В ряде статей поднимается проблема идентичности историка, которая исследуется в нескольких измерениях: поколенческом, схоларном, личностном. Здесь бесценными источниками оказываются «эго-документы», созданные самими историками. Так, А.Б. Соколов в статье с прекрасным названием «Хочешь простой жизни, не становись историком» предпринимает анализ интервью, которые в 1990-2000-е гг. дали журналу «The Historian» 27 американских историков. Ему удается показать, как из этих несхожих интервью очень разных людей с различным академическим опытом и сферой научных интересов вырисовываются достаточно четкие контуры поколенческой идентичности; как в результате той самой «историографической революции», о которой пишет в своей статье Р. Тоштендаль (в американских реалиях – «культурных войн» историков 1990-х гг.), изменилось профессиональное сообщество американских историков, какие различия пролегли между «старшим» и «младшим» его поколением.

В свою очередь, В.П. Корзун и Г.П. Мягков, анализируя становление схоларной проблематики в науке, обоснованно утверждают, что разработка этой проблематики нужна историкам не только для решения проблем истории науки, но и для формирования собственной профессиональной идентичности, чувства личной причастности к истории, иными словами – «обретения себя» в научном пространстве⁶. Возможно, именно это является одной из причин возрастающей антропологизации истории научных школ, интереса к коммуникативным и экзистенциальным аспектам их бытия.

Конечно, идентичность историка может иметь множество граней – но формируется она только во взаимодействии с коллегами... Поэтому показательным, что сборник «Профессия – историк» завершают статьи, посвященные научным контактам, «незримым колледжам» и взаимоотношениям с коллегами. Среди них – уже упоминавшаяся статья О.М. Мельниковой о значении РОИИ в профессиональном самоопределении региональных ученых; проникновенный очерк М.П. Лаптевой по материалам ее многолетней переписки с историком-германистом А.И. Бо-

розняком, недавно ушедшим из жизни; и, наконец, тепло и неформально рассказанная С.А. Экштутом история его научного сотрудничества и человеческой дружбы с Лориной Петровной Репиной. Статьи, посвященные коллегам, полны неповторимых деталей и черточек, передающих атмосферу «научного сообщества», того доверительного диалога, без которого живая научная преемственность была бы немыслима.

Таким образом, на страницах сборника – при всех различиях позиций конкретных участников – достаточно отчетливо обрисовываются контуры новой модели историографии. Современная историография, как ее видят авторы сборника, заостряет внимание на истории научных трансферов, кросскультурного и междисциплинарного синтеза. Эпистемологическая рефлексия, с их точки зрения, нужна историку не в качестве интеллектуальной «игры в бисер», а для преодоления непонимания и налаживания продуктивного диалога между разными «секторами» и «сегментами» научного сообщества. Участники сборника сходятся в том, что для создания репрезентативной картины развития исторического знания и для решения задач научной коммуникации нельзя воспринимать историка только как носителя методологических навыков и компетенций, что следует учитывать культурный, социальный и психологический контекст

его профессиональной деятельности. В силу всего этого сборник «Профессия – историк», безусловно, будет полезен читателю не только для оценки современной историографической ситуации и перспектив ее развития, но и для рефлексии и научного самоопределения, поиска собственного пути в науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гордон А.В. Уроки Мишле // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной) / Отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С.178.

² Савельева И.М. Пути научного трансфера // Профессия – историк... С.38-39, 43-45.

³ Там же. С.38.

⁴ Посохов С.И. «Фрагментация» как историографический диагноз // Профессия – историк... С.155, 173.

⁵ Ионов И.Н. Между универсализмом и уникальностью: культура, личность и познавательные стратегии историка // Профессия – историк... С.284.

⁶ Корзун В.П., Мягков Г.П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Профессия – историк... С.371-372.

*Доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры Российской истории
Самарского национального исследовательского
университета имени академика С.П. Королева
О.Б. Леонтьева*